

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

**ST.PETERSBURG JOURNAL
OF ORIENTAL STUDIES**

**выпуск 9
volume 9**

**Центр
«Петербургское Востоковедение»**

**Санкт-Петербург
1997**

Жизнеописание «Светлого Учителя» по сочинениям Ахунда Дарвезы

М. С. Пелевин

Санкт-Петербургский Государственный университет

Жизнь и деятельность Байазиды Ансари, основоположника религиозного течения *рошанийя*, к настоящему времени изучены достаточно полно (подробную библиографию работ можно найти в соответствующей статье «Энциклопедии ислама» [Shafi, 1124] и недавно опубликованной книге А. Маннанова [Маннанов, 156 — 164]). Однако знакомство с литературой, освещающей эту тему, убеждает в необходимости еще раз обратиться к непосредственным источникам наших сведений о жизни «Светлого Учителя», как называли Байазиду его последователи. Во-первых, некоторые интересные факты и существенные подробности, содержащиеся в этих источниках, остались вне внимания исследователей. Во-вторых, источники отражают противоположные взгляды на личность Байазиды Ансари, и их сведения нуждаются в критическом сопоставлении.

Среди источников выделяются три основные группы. К первой относятся труды богослова Ахунда Дарвезы, современника и идейного оппонента Байазиды. Это трактаты «Махзан ал-ислам» и «Тазкират ал-абрар ва-л-ашрар». Во вторую группу входят рошанитские источники: трактат самого Байазиды «Сират ат-таухид» с автобиографией в предисловии и сочинение его ученика Али-Мухаммада Мухлиса «Хал-нама» (начало XVII в.). Третью группу составляют могольские исторические сочинения, из которых наиболее авторитетны труды «Дабистан ал-мазахиб» Мухсины Кашмири (середина XVII в.) и «Ма'асир ал-умара» Шах-наваз-хана (первая половина XVIII в.). Могольские авторы частично использовали в своих сочинениях источники первых двух групп, поэтому их произведения можно считать уже в какой-то мере производными. Во многом вторичным является и раздел об истории рошанитского движения в «Тарих-и мурасса» Афзал-хана Хаттака (начало XVIII в.). Биография Байазиды у Афзал-хана представляет собой просто перевод на пашто соответствующей главы из «Махзан ал-ислам».

Сочинения Ахунда Дарвезы как источники биографических сведений о Байазиде Ансари имеют особую ценность прежде всего потому, что это — живые свидетельства современника, который был лично знаком с рошанитским вероучителем, неоднократно вел с ним теологические споры, встречался с его приверженцами, знал изнутри жизнь паштунских племен. Конечно, Дарвеза, будучи защитником традиционалистского ислама, очень предвзято и пристрастно относится к Байазиду и иначе как «проклятый отступник» его нигде не называет. Однако он признает за Байазидом остроту ума и дар проповедника. Его критическая оценка личности Байазиды Ансари прекрасно дополняет и оживляет образ этого незаурядного и даже немного загадочного человека, внесшего немалый вклад в духовную культуру афганского народа.

В своих сочинениях Дарвеза очерчивает географические границы, в которых протекала жизнедеятельность Байазиды Ансари. Родившийся среди ормутов в Вазиристане, в селении Канигурам, Байазид в молодости побывал по торговым делам в Самарканде и Пенджабе. Эти поездки обогатили его интересными знакомствами и новыми религиозно-философскими знаниями. Свою проповедническую деятельность он начал в Нангархаре среди момандов, перебравшись сюда из Канигурама через Кабул. Затем он двинулся на восток, в Пешавар, где какое-то время жил у халилов. После обосновался у мохмандзаев в Хаштнагаре. Здесь он был схвачен и

доставлен в Кабул. Из Кабула Байазид вновь вернулся через Нангархар в Хаштнагар.

Следующий период его жизни прошел в Тирахе среди афридиев и оракзаев. Отсюда он совершил неудачный поход в Нангархар, завершившийся бегством в Хаштнагар, где Байазид и скончался. Местом погребения Байазиды, по словам Дарвезы, официально считался Канигурам, хотя на самом деле его останки были брошены в Инд.

Дарвеза называет имена людей из числа близких родственников, учителей, приверженцев и противников Байазиды Ансари, среди которых его отец Абдаллах, жена Шамси, сыновья Умар, Нур ад-дин, Хайр ад-дин, Камал ад-дин, Джалал ад-дин, внук Ахдад, первый учитель богословия Мулла Пайанда, духовный наставник Сулайман, покровитель Султан-Ахмад Моманд, последователи его учения Мулла Давлат-хан Мохмандзай, Шайх Пайанда, Матах-хан Акозай, братья Хвешки (Арзани, Умар и Али), рошанитская проповедница Каши, а также представители противоположного идейного лагеря — Шайх Али Тирмизи, Сайид Харун, Мулла Занги Папини.

Основная цель Ахунда Дарвезы заключалась в критике теософских взглядов Байазиды, чему посвящен весь трактат «Махзан ал-ислам» и многие страницы соответствующей главы в «Тазкират ал-абрар». Отдельные критические замечания Дарвезы дают весьма фрагментарную и неизвестно насколько истинную картину учения Байазиды. Частично это учение соответствует некоторым доктринальным положениям *тасаввуфа* о божественном единобитии, о ступенях познания Бога, о необходимости духовного учителя на пути познания. Практическая сторона учения включает в себя такие элементы суфийской практики, как *зикр*, *халват*, коллективное радение *сама*. Кроме того, Дарвеза приписывает Байазиду Ансари веру в переселение душ, которую тот якобы позаимствовал у индийских йогов, порицает его за несоблюдение норм *шариата*. Но главное обвинение он выдвигает по поводу притязаний Байазиды на миссию пророка и божественную сущность.

Кратко обрисована у Дарвезы проповедническая деятельность Байазиды, которую тот начал вести в небольшой женской аудитории, а затем распространил на многие племена Пешаварской долины, Нангархара и Тираха. При этом он рассылал свои сочинения от Бадахшана до Дели, давая о себе знать крупным богословам и высокопоставленным представителям светской власти. В защиту своего вероучения Байазид Ансари неоднократно выступал на богословских диспутах, инициаторами которых обычно выступали его идейные противники.

Дарвеза обвиняет Байазиды в подстрекательстве афганцев к совершению разбойных нападений на торговые караваны, отбиранию и разделу чужого имущества и жен, приписывает ему план военного похода на столицу могольского государства. Но из реально осуществленных действий называет только неудачный набег на одно селение в Нангархаре и расправу с местными жителями в Тирахе.

Сообщает Дарвеза и некоторые сведения об афганских племенах. В первую очередь это касается религиозной сферы. Слова Дарвезы свидетельствуют о слабой распространенности ислама среди паштунских племен. Исламизация паштунов осуществлялась главным образом путем миссионерской деятельности мусульманских богословов, к которым принадлежал сам Ахунд Дарвеза. Дарвеза жил и проповедовал в Свате у юсуфзаев. Его деятельность имела успех, поскольку он часто упоминает о своих сторонниках из числа «юсуфзаев-мусульман» и в целом относится к юсуфзам с гораздо большей симпатией, чем к прочим афганским племенам, которых постоянно упрекает за невежественность и несоблюдение исламских религиозных и правовых норм.

Ислам распространялся в Паштунистане не только в своем традиционном виде, но и в форме различного рода «ересей», из которых самой жизнеспособной оказалась *рошанийя*. Устами Байазиды Ансари Дарвеза называет имена еще трех вероучителей-отступников, действовавших в северо-восточном Паштунистане: Пахлаван Рафизы, Вали Баричи (Барец) и Тайиб. Интересно также сообщение Дарвезы о том, что у афганских племен Тираха, афридиев и оракзаев, было принято соблюдение не мусульманского поста, а своего собственного, который они держали в начале весны в течение десяти дней. Несоблюдение этими племенами прочих предписаний *шариата* Дарвеза объясняет влиянием рошанитского вероучения.

Отмечены у Ахунда Дарвезы и другие исторические факты, связанные с жизнедеятельностью Байазиды и его потомков. Дарвеза достаточно подробно повествует о том, как были изгнаны со своих земель коренные жители Тираха, а их владения перешли в руки афганцев, рассказывает о столкновениях сына Байазиды Шайха Умара с юсуфзяями, о проникновении моголов в Паштунистан под видом борьбы с рошанитами и усилении их контроля за положением в племенах.

Полемическая направленность сочинений Ахунда Дарвезы неизбежно выявляет некоторые личные черты и уровень образованности самого автора. Опровергая те или иные положения рошанитской теософии, Дарвеза постоянно ссылается на Коран, *сунну*, комментарии к священным текстам, различные богословские трактаты, цитирует строки из произведений классической литературы. При этом он иногда допускает неточности, делая огрехи даже в цитировании коранических строк. Не случайно его сочинения позднее были подвергнуты критике знаменитым поэтом и просвещенным племенным правителем Хушхал-ханом Хаттаком.

Ахунду Дарвезе принадлежат три версии жизнеописания Байазиды Ансари. Одна из них изложена в заключительной, восьмой главе трактата «Махзан ал-ислам» и написана, как и все сочинение, на языке пашто. В подражание «Хайр ал-байану» Байазиды Ансари Дарвеза использовал для написания этого трактата рифмованную прозу *садж*, что существенно повлияло на язык произведения, приблизив его к поэтическому. С одной стороны, язык оказался более образным: «Девушки и юноши были словно хлопок и огонь, когда их собирали в одном месте»; «Паштунистан был подобен ночи, а он (Али Тирмизи. — М. П.) — светильнику в крошечной тьме»; «Нрав у него (Шайха Умара. — М. П.) был как у паука: он тут же позарился на владения юсуфзаев». С другой стороны, неразвитость литературного письменного пашто сказалась на повествовательном стиле произведения, которое местами лишено должной ясности и связности изложения. С точки зрения информативности эта версия уступает двум другим, написанным на персидском языке.

Первая персидская версия вошла в качестве самостоятельного раздела в сочинение «Тазкират ал-абрар ва-л-ашрар». В ней содержится ряд интересных фактов, основанных на живых впечатлениях, упоминается много имен, приводятся ценные подробности, отсутствующие в других версиях. Однако это жизнеописание носит в большей степени полемический характер. Автор видит свою цель прежде всего в разоблачении Байазиды Ансари и опровержении его вероучения, поэтому многие страницы повествования он отводит своим критическим комментариям, морально-этическим наставлениям и богословским спорам. В изложении фактов биографии Байазиды автор не придерживается строгой хронологической последовательности и соразмерности. Стиль этого сочинения близок к мемуарному. Из заключительного раздела «Тазкират ал-абрар» известно, что Дарвеза только устно излагал сведения, вошедшие в это произведение, а записывал их его сын Абд ал-Карим [Кушев 1980, 41]. Недаром многие части повествования открываются словами: «Знай, о сын».

Вторая персидская версия биографии Байазиды составляет один из дополнительных разделов «Махзан ал-ислам». Она начинается теми же словами «Знай, о сын» (в переводе я немного изменил их), поэтому есть основание считать, что эта версия также была записана Абд ал-Каримом со слов Ахунда Дарвезы. «Махзан ал-ислам» имеет по крайней мере три редакции [Кушев 1980, 46]. Первая, авторская редакция 1605 г. включала только паштунскую версию жизнеописания Байазиды, составленную исключительно самим Дарвезой. Персидская версия вошла во вторую редакцию «Махзан ал-ислам», подготовленную в 1615 г. с участием Абд ал-Карима. Эта третья версия биографии Байазиды представляется наиболее удачной, т. к. в ней последовательно и лапидарно изложены все самые существенные события и факты из жизни «Светлого Учителя». Долгое время, начиная с работы Дж. Лейдена [Leyden 1812], «Махзан ал-ислам» оставался основным источником наших сведений о Байазиде Ансари. Однако нельзя сказать, что это сочинение со всеми содержащимися в нем фактами было полностью введено в научный обиход в качестве источника по истории рошанитского движения и Паштунистана в целом.

Ниже предлагается сводный перевод трех указанных версий жизнеописания Байазиды Ансари. Автор источников один, поэтому они почти лишены противоречий и хорошо дополняют друг друга. В основу положена персидская версия из

«Махзан ал-ислам». Она переведена полностью и в необходимых случаях дополнена сведениями из двух других версий. Для удобства чтения в отдельных случаях мне пришлось допустить некоторое «вторжение» в синтаксическую структуру оригинальных текстов, но без ущерба для смысла и авторского слова.

Разделы «Махзан ал-ислам» переведены по пешаварскому изданию сочинения 1969 г. [Ахунд Дарвеза, 122—136]. Текст его не является в полном смысле критическим и сверен мной с рукописью сочинения из собрания СПбФ ИВ РАН (В 2483, л. 229а—249б). Существенных разночтений нет. Соответствующие места из «Тазкират ал-абрар ва-л-ашрар», ввиду недоступности современного пешаварского издания, переведены по рукописи из собрания СПбФ ИВ РАН (С 1560, л. 1196—142а). Условные обозначения источников: Ф — персидская версия из «Махзан ал-ислам», П — афганская версия, Т — «Тазкират ал-абрар».

Перевод

- Ф. 122 Да будет известно потомкам, что в окрестностях Кандагара, в селении Канигурам, среди афганцев-ормуров¹ жил один образованный и добродетельный человек из семьи богословов по имени Абдаллах,
- Т. 1196 учительствовавший в этом краю. Одного из своих учеников по имени Пайанда он наделил всей полнотой знаний и даже доверил ему самому наставлять [других], возложив на него обязанности [учителя].
- Ф. 122 Волею всесильного рока у него родился сын, которого называли Байазидом.
- Т. 1196 Когда по летосчислению от *хиджры* пророка, да будут ему молитвы и мир, прошло несколько лет с девятисотого года²,
- Ф. 122 определил он его обучаться богословию [у муллы Пайанды], и тот по мере сил овладевал [знаниями], являл усердие в служении и поклонении Богу, воздерживался, насколько мог, от недозволенного *шариатом*.
- Однако, накопив денег, он обратился к торговле.
- Т. 1196 Вместе с несколькими купцами он отправился в Самарканд,
- Ф. 122 пригнал из Самарканда двух лошадей и направился с ними в Индию. Добравшись до селения Каланджар,
- Т. 120а он посватался там к женщине из афганского племени лоди³ по имени Шамси,
- Ф. 122 [а также] завел знакомство с вероотступником Сулайманом, общение и беседы с которым посеяли в его душе дурные помыслы и недостойные идеи, так что Байазид сам превратился в законченного вероотступника и противника истинной веры, да сохранит нас Бог от их отступничества.
- Т. 120а Затем он обратился к вероучению йогов и в общении с ними утвердил в своем сердце веру в переселение душ и *аватару* (?)⁴. Когда же у него родился старший сын

- Шайх Умар, он вернулся на родину.
- Ф. 122 Вернувшись назад в Канигурам, он явил [всем] свое неверие.
- П. 128 Стал он устраивать *халваты*⁵ и призывал на них невежественный народ [словами]: «Приходите, устраивайте *халваты*, творите *зикр*⁶ Благому Господу!»
- Т. 120а [Тогда] его отец и дядя⁷ решили покончить с ним.
- Ф. 122 Отец его Абдаллах, человек очень набожный, ранил его ножом,
- Т. 120а но он притворился мертвым и избежал смерти, а затем покался:
- П. 129 «Отец, каюсь во всех прегрешениях и отныне, пока живу на этой земле, буду усердно соблюдать только *шариат*».
- Поскольку тот был ему отцом, сжалился над ним и оставил его [в живых]. Как только [Байазид] оправился [от раны], он пустился в бегство, не сказав [никому] ни слова, не совершив омовения.
- Ф. 122 Байазид бежал из тех мест
- Т. 120а и через Кабул добрался до Нангархара.
- Ф. 122 В Нангархаре он поселился среди момандов⁸ в доме Султан-Ахмада.
- П. 129 Султан-Ахмад стоял в то время во главе момандов, о пытливый [читатель], и проникся он расположением к Байазиду, поскольку тот считался *муллой*.
- Ф. 122 Некоторое время [Байазид] плутовал там, но не смог ввести в заблуждение жителей Нангархара, ибо они твердо привержены суннитскому толку и почитают богословов.
- П. 129 Байазид был очень умен и ловок в мирских делах, обладал он изрядной сообразительностью и хитростью, а о Страшном Суде и думать забыл. Поскольку он хорошо уразумел, что таджики⁹ — стойкие приверженцы *шариата*, от веры не отступают и являются последователями пречистого пророка, он не усердствовал в распространении среди них неверия, о сведущий [читатель], а силы свои устремил на других.
- Ф. 122 Покинув те места, он явился к афганцам в Пешавар и поселился среди горйа-хелей в племени халилов. Поскольку афганцы — люди невежественные, большинство из них попало в сети его лжи.
- А он объявил себя учителем веры и призывал к себе весь народ [словами]: «Без совершенного духовного учителя пути к Богу нет, поэтому приходите ко мне, и я приведу вас к Богу!» И истолковал он *айат* «Ищите приближения к Нему...»¹⁰ таким образом, что, дескать, лишь со-

вершенный духовный учитель (rîg-i kâmil) указывает путь к Богу. А афганцы по невежественности поверили этому и не ведали, что в *тафси́ре* Байдави и других [книгах] сказано, что путь к Богу — это повиновение Ему и уклонение от греха, а без соблюдения законов *шариата* пути к Богу нет¹¹.

Этот отступник написал много сочинений¹² о том, как обрести духовного учителя, и [в них] он не к месту приво-
дил и неправильно толковал *айаты*, а также использовал
лживые, им самим выдуманные *хадисы*. Среди афганцев
[тогда] не было достойного ученого, который бы глубоко
знал богословие, чтобы сопоставить сочинения Байазида и
богословское

— 123 учение и при условии совпадения принять их, а в обрат-
ном случае отвергнуть. Но из-за невежественности боль-
шинство наших богословов поверило [Байазиду].

Одной из уловок этого отступника было то, что он
сперва призывал людей к соблюдению *шариата*, а затем
говорил: «Пока не пройдете *шариат*, не достигнете *тари-
ката*; пока не пройдете *тарикат*, не достигнете *марифа-
та* и *хакиката*»¹³. Эти невежественные не были сведущи
в богословской науке, а иначе бы знали, что тот, кто пе-
рейдет [границы] *шариата*, станет отступником, а отступ-
никам пути к Богу нет. Также и в богословских книгах
написано, что тот, кто видит разницу между *шариатом* и
хакикатом, — отступник. Не дозволено даже произносить
те слова, которые произносят люди, [задаваясь вопросом]:
«Есть ли иной путь, кроме *шариата*?» На самом деле,
кроме *шариата*, являющегося связующей нитью между
человеком и Богом, иного пути нет.

П. 130 Всякого человека, который чтит *шариат* и придержи-
вался [истинной] веры, он обманывал и вводил в заблуж-
дение своим ложным *шариатом*. Этот *шариат* он без ме-
ры насаждал такому [человеку] и сперва изводил его им, а
затем оставлял в покое. После того, когда тот укреплялся
в *шариате*, он говорил ему: «О друг! Вот ты и познал
своего Господина и теперь не будь беспечен. Всякий раб,
что взваливает [на себя] вязанку дров, но не ведает при
том о Господине, ничтожным будет и в ничтожестве своем
станет вечно таскать эту вязанку. А если познает он Госпо-
дина, то тут же скинет эту вязанку. И ты, страждущий,
познай скорее Господина Миров! И сбрось с плеч груз *ша-
риата*! Раз ты познал своего Господина, оставь это раб-
ское служение Ему!»

Ф. 123 Отступник этот, заставив людей поверить ему, стал со-
бирать *халваты* и совершать *зикр*. Но в *зикре* его не было
ни единого упоминания имени Всевышнего.

Афганцам он слагал стихи по своему вкусу на их собственном афганском языке, некоторым невеждам-персам — на персидском языке, индийцам — на индийском (*hindavi*). Таких *зикров* он установил восемь видов.

Т. 121а И во время обучения *зикру* он ставил условие, чтобы его не произносили ни перед кем из людей этого времени, ибо он знал, что если об этом негодном *зикре* станет известно богословам, то они обязательно распознают его [собственную] ущербность и отвратят учеников от подчинения ему.

П. 131 Как только [человек] постигал *зикр* и погружался в размышление, каким бы он набожным ни был, поклонение [Богу] прекращал. А [Байазид] так ему говорил: «Не поклоняйся больше Богу, глупец. Раз ты попал к Нему в руки, препоручи всего себя Ему. Будь покорен [велениям] *шариата*, друг, лишь для того, чтобы познать Господа. Когда же познаешь Его, оставь покорность [*шариату*], ибо теперь ты обрел спокойствие». [Это] его познание [Бога] означало то, что Бог [якобы] управлял духом человека. Дух, сущность, тело, качества (*ṣifāt*) и само дыхание [человека] — все считалось Богом. Пусть знают правоверные, что таковы речи вероотступников, неверных, йогов. Бог недоступен разумению ни людей, ни духовных учителей.

Т. 121а После *халвата* [всякий] невежественный глупец становился законченным вероотступником: в его убеждениях утверждались умозрительные идеи и рассудочные умозаключения. Он отворачивался от заповедей *шариата* и наставлений *имамов*, принимая веру вседозволенности.

Ф. 123 Научив ученика [последнему], восьмому *зикру*, [Байазид] говорил: «Теперь ты свободен от повелений и запретов *шариата*, поскольку дело свое закончил. Сейчас можешь потреблять все дозволенное и недозволенное, что тебе попадется».

Утверждая же в своих сочинениях, что нельзя потреблять ничего, кроме дозволенного, он имел целью [сказать следующее]: «Дозволенным является все то, что ты отобрал от другого силой и клинком, поскольку это — цена твоей головы, а все то, что ты получил по просьбе, является недозволенным». Запретив просить, он вознамерился тем самым собрать своих приспешников, отвлечь их от дел или попрошайничества и, объединившись с шайкой бунтовщиков, засесть в горной крепости, чтобы заниматься грабежами и подчинить себе насилием и страхом все царство.

П. 131 И еще, друзья, он говорил: «Ты почему так беспечен? Весь прочий мир мертв, ведь он не знает Его дыхания. Имуущество мертвецов достается в наследство и принадлежит

живым. Имущество и жены [мертвых] принадлежат вам!»

А в заключение он говорил так: «Беритесь за клинки, друзья! Все эти люди мертвы, так рубите же головы мертвецам! Коль мы избранные, рубите [всем прочим] головы без промедления, забирайте их имущество, которое дозволено вам, и не испытывайте в том стыда!»

Такими соблазнами он объединил вокруг себя множество людей. Все они — и мужчины, и женщины — были воодушевлены, ведь он говорил им, что не следует бояться мук ада. Он отрицал жизнь, путь в мир иной, весы, [где взвешиваются дурные и благие дела], ад. Он говорил: «Хорошо прожитое

— 132 время — это рай, а плохо прожитое время — это ад, так делайте то, что вам нравится!»

Т. 1206 Безграничная любовь учеников к своим духовным учителям-вероотступникам в наши времена возникает оттого, что в борьбе плотских страстей с божественным *шариатом* они отдают свои силы на сторону страстей.

Ф. 123 Людское общество состоит из мужчин и женщин, но сперва больше женщин приходило к [Байазиду], поскольку женщины похотливы. А афганцы в большинстве своем им подчиняются, хотя досточтимый пророк, да будет мир ему, говорил: «Не преуспевает тот народ, которым правит женщина»¹⁴.

П. 130 Поскольку Байазид был умен, он преимущественно с женщинами заводил знакомство, а когда женщины сбивались с пути [истинного], то и мужчины тоже вслед за ними впадали в заблуждение.

Ф. 123 Потом он собирал мужчин и женщин вместе, они пели, танцевали, хлопали в ладоши, слагали стихи.

П. 130 Девушки и юноши были [словно] хлопок и огонь, когда их собирали в одном месте. Предавались они разврату и обращались во врагов Благого Господа.

Устраивал [Байазид] для мужчин и женщин *халваты*, [говоря]: «Собирайтесь в *халватах*, люди! Мы странники и [скоро] уйдем [отсюда]».

Т. 121a И оказались их *халваты* сетью из греха и прелюбодеяния, а не кельей воздержания и победы [над страстями]. Страсть в душе человека подобна огню в камне, а телесная близость мужчины и женщины подобна стали, которую огонь своей силой извлекает из камня.

Ф. 123 А Байазид учил их, что воскресения из мертвых и Судного дня нет, [и говорил]: «Делайте все так, чтобы услужить мне, и если я останусь доволен, то после смерти вновь возвращу вам человеческий облик, а если не буду

— 124 доволен, то обращу вас в свиней и медведей, а если выйдете у меня из повиновения, то [вообще] исчезнете навсегда» — и тому подобное.

- Т. 1336 Этот проклятый уверовал также в переселение душ и проповедовал своим последователям, что после смерти живого существа его телесный облик уничтожится и исчезнет, а душа войдет в тело другого живого существа, да сохранит нас Бог от их отступничества.
- Ф. 124 Проповедуя веру в переселение душ, он являл откровенное отступничество и делал отступниками своих учеников. Через некоторое время почти все халилы были введены им в заблуждение.
- П. 132 Много зла принес он горйа-хелям, а потом пришла к нему мысль привлечь к себе [людей рода] хахи¹⁵. Среди [людей] хахи есть мохмандзай, народ очень недалекого ума.
- Ф. 124 Мохмандзай привезли его в Хаштнагар¹⁶ и поселили в местечке Каладир.
- Т. 136а Причина появления этого проклятого, возмущающего покой вероучителя в Хаштнагаре заключалась в том, что Мулла Давлат-хан Мохмандзай, который был человеком набожным и благочестивым, даже самым набожным и благочестивым среди людей своего края, и происходил из рода Шайха Худайдада Джани, несколько дней провел в беседах с тем проклятым, а поскольку ему было неизвестно учение о *марифате* и он заблуждался в [вопросах] познания Бога, то предался он отступничеству и учению о том, что Бог может поселиться в предметах материального мира и в человеке ('ilm-i ḥulûliya). А у афганцев так принято, что если их *шейх*, или *мулла*, или вождь, или глава дома ступают в духовных и мирских делах на какой-либо путь (?), то все прочие люди следуют за ним...
- 1366 По этой причине большинство мохмандзаев подчинилось Мулле Давлат-хану. И стали они учениками того проклятого, ибо славятся эти люди среди прочих афганцев своей глупостью.
- Ф. 124 [В Хаштнагаре] этот отступник [осмелел] настолько, что стал рассылать во все края —
- Т. 134а в Кабул, в Индию, в Кухистан —
- Ф. 124 послания правителям, богословам и [всем] невеждам, в которых писал: «Я совершенный духовный учитель; каждый, кто покорится моей воле, обретет спасение, а иначе сгинет».
- Т. 134а И распространял он по этому поводу *хадисы* с изложением своих взглядов и со ссылками на [известных] богословов [нашего] времени. И каждый, кто был из числа [образованных] богословов, людей праведных, мудрых и добродетельных, понимал его отступнические взгляды и проклинал его, а кто
- 1346 был из числа невежественных богословов, не понимал его взгляды и отправлялся посетить этого проклятого, поддаваясь его отступничеству. А такими были афганские бого-

слова, не имеющие не только полного образования (*taḥṣîl-i tâm*), но и неполного.

Ф. 124 И стал [Байазид] называть себя «Светлым Учителем» (*rîr-i goḏân*), пока не узнал [обо всем этом] досточтимый учитель и покровитель сего ничтожного, глава всех *шейхов* и духовных столпов, меч веры Сайид Али Тирмизи, находившийся [в то время] в Бунере¹⁷ у юсуфзаев. [Досточтимый Тирмизи] посчитал своим долгом опровергнуть притязания [Байазид], следуя словам пророка, да будут ему молитвы и приветствия: «Когда появится в моем народе отступничество и будут обруганы и оскорблены мои сподвижники, пусть явит ученый свое знание; а кто не сделает это, будет он проклят Богом, ангелами и всеми людьми»¹⁸.

Т. 135a Однажды наш досточтимый Шайх [Тирмизи] вместе с несколькими своими людьми решил принять участие в споре с тем проклятым. Встретившись с нами в Хаштнагаре, тот отступник повел себя спесиво, [заявив]: «В вашем краю все больше и больше вероотступников и заблудших, таких как учитель Пахлаван Рафиз, учитель Вали Баричи (Барец. — М. П.), учитель Тайиб; и поскольку вы [до сих пор] не расправились с этими упомянутыми лицами, то ваше внимание ко мне было неуместным»¹⁹.

Ф. 124 Сей ничтожный тоже сопровождал [досточтимому Тирмизи] и того [Байазид] в споре так устыдил и посрамил, что он в присутствии [народа] не мог вымолвить ни слова.

Т. 1356 Через некоторое время мы [снова] явились [к нему] с целью спора. Присутствовал там и защитник духовной власти (*siyâdatpanâh*) Сайид Харун. Тот проклятый стал отрицать заступничество [пророка за людей перед Богом] (*ḏafâ'at*), за что я пристыдил его доказательствами, основанными на здравомыслии и преданиях (*dalâ'il-i 'aqlî va naqlî*). Затем я взял с собой [на встречу с ним] большое число юсуфзаев-мусульман, но тот проклятый сам не явился, ибо побоялся опозориться.

Потом наш досточтимый Шайх сказал, что поскольку этот проклятый полагает, что он достиг уровня Мансура Халладжа, то должен он понять и растолковать такое сложное высказывание Мансура: «Родила моя мать своего отца, и это [чудо] из чудес. Я — малое дитя на груди у кормилиц»²⁰. Когда я это написал и предъявил его взору, он так испугался, что не смог ни прочесть эти слова, ни сказать что-либо по поводу их смысла.

После тот проклятый стал отрицать чудотворство (*karâmat*). Тогда наш досточтимый Шайх сказал: «Если этот проклятый желает явления чудес, то что ж, необхо-

- димо явить [ему] чудо». Затем тот [проклятый] должен был показать сему ничтожному свою руку, и если без [применения всякого] режущего предмета она упала бы отрезанной на землю, то тогда он бы не отрицал [чудотворства]. Поскольку этот проклятый был человеком хитрым и смышленным и ведал он о благословенном вмешательстве [в нашу жизнь]
- 136a друзей Бога (auliyâ'), то воспротивился он этому и опять остался пристыженным. Тогда и назвал его «Темным Учителем» (rîr-i târîk) наш [духовный] наставник Мулла Мухаммад, совершивший *хаджж* в обе святыни (Мекку и Медину. — М. П.) и известный [более] как Мулла Занги Папини.
- Ф. 124 Дали мы ему прозвище «Темный Учитель», и еще неоднократно подобным образом я один или вместе с достойным учителем [Тирмизи] встречался в спорах с этим отступником и срамил его, но пользы это не имело, ибо народ и вера не укрепляются без власти исламских правителей, а в этих краях власти ислама не было, чтобы казнить его. Афганцы — невежественный народ, [и поэтому] когда мы кого-нибудь одного отвращали от общения с [Байазидом], то находился кто-то другой. А этот отступник написал книгу и назвал ее «Хайр ал-байан». И говорил он, что ниспослана она ему, как Коран Мухаммаду.
- Т. 131a Некоторые слова [в ней] он написал без понимания на арабском языке, некоторые — на персидском, некоторые — на афганском, некоторые — на индийском, но все эти слова беспорядочны и несозвучны настолько, что противны они нраву ученых людей...
- Поскольку [эта книга] была наполнена вероотступничеством и заблуждением, клеветой и подстрекательством, сей ничтожный назвал ее «Шарр ал-байан», а если дадут ей название «Хар-байан»²¹, то оно тоже будет подходящим для нее...²²
- 1316 При этом не всю [эту книгу] он написал сам. Часть ее составил Мулла Арзани, поэт-вероотступник, а часть — этот проклятый.
- Если рассказывать историю Арзани, то было их три брата [родом] из афганского племени хвешки. Одного звали Мулла Арзани, другого — Мулла Умар, третьего — Мулла Али. Пришли они из Индии. Поскольку уже там отступничество оказало на них влияние, они сразу же прониклись учением
- 132a проклятого и стали законченными вероотступниками. Арзани, будучи умным и красноречивым поэтом, слагал разные отступнические стихи на афганском, персидском, индийском и арабском [языках]. И он согласился [принять

участие] в написании книги этого проклятого. Сам Арзани тоже написал книгу, полную разных отступнических мыслей, и назвал ее «Чахар забан» («Четыре языка». — М. П.). После того, как этот «Темный Учитель» принялся грабить и убивать мусульман, Арзани от него отделился и снова вернулся в Индию, а два его брата остались с «Темным»²³...

Ф. 124 Написал [Байазид] и много других богопротивных сочинений, причем особенностью и хитростью этого злодея было то, что излагал он свои мысли загадками и намеками, поэтому только некоторые прозорливые и образованные люди осознавали их вероотступническую суть, а все прочие смысла его высказываний не понимали. Но всякий, кто более или менее разбирался в богословских науках и был знаком с суннитским вероучением, со всей ясностью видел его ложь и неверие, ведь в конце своего сочинения он писал: «Все, что явлено в связанном виде, что можно увидеть и услышать, есть Бог; кроме Бога ничего нет; мир — это обман чувств и игра воображения», — да сохранит нас Бог от их отступничества.

П. 131 Иногда он так говорил: «Друзья, Бог скрыт во [всех] творениях, как соль в воде, как семя в траве, Он един со всем [сущим]».

Т. 1216 Первым заблуждением этих отступников [было то], что они все сущее называли Богом и считали, что во всех зримых творениях имеется божественная суть. Я же ответил им так...²⁴

— 123а Много доказательств, основанных на преданиях и здравомыслии, я привел им в споре, но возымели действие только те, что основывались на здравом смысле, а те, что основывались на преданиях, были полностью отвергнуты ими.

— 123б Однако по той причине, что, как написано в *тафсире* «Мадарик»²⁵, вероотступники по сути своей непоследовательны и используют только те доводы, которые отвечают их пристрастиям и желаниям, а также поскольку они потерпели поражение в этом споре, они предались другому заблуждению, утверждая, что «мы — качества Бога» (*şifât-i xudâ*).

Однажды случилось мне повстречаться с последователем того проклятого по имени Шайх Пайанда²⁶, который так закоренел в отступничестве, что в *азане* называл того проклятого Богом. Поскольку я не взял с собой афганцев-мусульман, а тот проклятый [Шайх Пайанда] был со своей шайкой отступников, то сперва он вознамерился расправиться со мной. Но в конце концов дело повернулось так, что вначале [он решил] испытать меня в споре, после чего уже повести себя сообразно своей воле. И заявил: «Все,

- что у тебя есть [сказать], говори!» И я, ничтожный, учитывая то, что одна душа властвует над многими душами, а Господь — [вечный] свидетель происходящего, а также поскольку я никогда ни в какие времена не боялся смерти от рук вероотступников и неверных, но всегда требовал [от них] в ответ принятого свидетельства веры во Всевышнего Господа и сопутствующих молитв, — и да будет славен Бог за это, — приступил я тогда к изложению [своих взглядов], сказав: «То, что вы считаете себя качествами Бога, происходит от вашего полного отступничества». Тут эти неучтивые вероотступники, глупцы и невежи по своему поведению, сразу зашумели: «Мы считаем себя [частью] сущности Бога, и вы тоже берете [себе часть] от
- 124a уровня Его качеств (martaba-yi şifâtiya)». Я спросил: «На ваши притязания вы имеете доводы, основанные на здравомыслии или преданиях?»

Он ответил: «Доказательство, основанное на предании, — то, что Всевышний Господь сказал: „Поистине, Бог со всякой вещью объемлющ“, — а доказательство, основанное на здравом смысле, — то, что Всевышний Господь — море всеохватное».

- Я возразил: «О невежественные отступники! В Коране установлено двенадцать *лаков*²⁷ тринадцать тысяч триста тридцать букв; число букв при произнесении и число слов в нем также известно и определено, поэтому если вы уменьшили это число на одну букву, изменив слово „над“ ('ala) на „со“ (ma'), то вы впали в заблуждение, ибо в слове „над“ — три буквы, а в слове „со“ — две, а те слова таковы: „Поистине, Всевышний Господь над всякой вещью объемлющ“, — а не „со всякой вещью“». Он сказал: «Наш духовный учитель (Байазид Ансари. — М. П.) посчитал, что Мухаммад, да будут ему молитвы и мир, здесь забылся и допустил ошибку, произнеся „над“ вместо „со“, как это и было усвоено». Да сохранит нас Бог от их явного отступничества...²⁸
- 126a Тот отступник (Шайх Пайанда. — М. П.) был пристыжен [моими речами] и не мог вымолвить ни слова. В конце концов появился один из влиятельных людей племени юсуфзаев, который освободил меня от этих собак...²⁹
- 1276 Когда же эти проклятые были повержены моим подтверждением таких разумных доводов, они впали в другое заблуждение, [заявив], что «наша душа — это Бог»...
- 128a А некоторые из этих отступников говорили, что «в нас есть частица Бога»...
- 133a Этот проклятый (Байазид Ансари. — М. П.) поначалу не ломал траву, не убивал вшей, не наступал на муравьев и то же повелевал делать своим последователям.

Ф. 124 Излагал он мысли философов и софистов (*falasafa va sūfistāiyya*) и вновь

— 125 указывал своим приверженцам, что, поскольку кроме Бога ничего другого сущего нет, [понятия] «дозволенное» и «недозволенное» смысла не имеют.

«Подчиняйтесь только велениям вашего духовного учителя! Я ваш Бог и я ваш пророк!» — [говорил он], и эти бестолковые невежды поверили его богопротивным речам.

Объявил он себя Богом и пророком и вырезал себе соответственно этим притязаниям две печати. До сего дня его потомки хранят их, а печатей со своими именами не вырезают, полагая, что в них [продолжается] жизнь Байазид, то есть дух его вошел в их [тела], да сохранит нас Бог от их отступничества. Его притязание на божественную сущность выражено на печати так: «Преславен Всевышний Господин, отделивший светлый мир от огненного, Байазид Ансари»³⁰. А его притязание на пророчество выражено на печати так: «Ничтожный Байазид, провожатый заблудших»³¹. Да сохранит нас Бог от их отступничества.

Т. 129a Но было бы правильнее назвать этого проклятого «вводящим правоверных в заблуждение», ибо он освободил людей от [выполнения] таких предписаний *шариата*, как пост, молитва, *хаджж*, *закят* и других. И они (рошаниты. — М. П.) нарушают запреты *шариата* есть недозволенное, проливать невинную кровь, грабить, преследовать мусульман, прелюбодействовать, брать чужих жен и не заключать брак по закону, пить вино, брить бороду, хулить прежних пророков, враждовать с богословами и богословской наукой, убивать богословов и праведников и тому подобное.

Хвала подлым неверным, которые называют заблуждение путем истины! Хвала глупцам и безумцам, которые признают, что он (Байазид Ансари. — М. П.) — Бог и пророк!

Однажды довелось мне, ничтожному, вести спор с Матах-ханом Акозаем, одним из его (Байазид Ансари. — М. П.) невежественных последователей. Я сказал: «Если вы упоминаете [имя] этого проклятого отступника в священном *зикре*, значит, считаете его Богом? Если называете его „светом“, значит, считаете его пророком?» Он ответил: «Да, мы верим в оба эти утверждения». Затем я привел ясные доводы и просветил его в том, что не следует считать того [Байазид] ни Богом, ни пророком, ибо он есть презренная заблудшая тварь. Тогда тот [Матах-хан] по обыкновению людей спесивых и упрямых возмутился, раз-

гневался и собирался уже вытащить клинок. Но поскольку в этом краю он не имел власти, он поклялся светом того проклятого, что в любом другом месте, где ему придется встретиться со мной, он сперва допросит [меня], и если я не откажусь [от своих взглядов], убьет меня...³²

- 130a А однажды случилось мне участвовать в споре с женщиной по имени Каши, которую [Байазид] обратил в свою порочную (?) сподвижницу. Я сказал в связи с этим³³: «Эй, невежественная обманщица и бестолковая спорщица! Послушай мои благожелательные слова! Веришь ли ты в единого Бога или нет? Признаешь ли ты прежних пророков или нет? Признаешь ли ты священный Коран или нет?» Сказала: «Все это я признаю». Я спросил: «Мусульмане лучше в [своей] вере или неверные?» Ответила: «Мусульмане лучше». Я сказал: «Я воздвигаю здесь два воображаемых знамени: одно для Бога, пророков, Корана и мусульман, а другое — для неверных, и даю тебе и твоему учителю право [самим] выбрать, под какое знамя встать». Спросила: «Что ты собираешься доказать с помощью этого образа?»³⁴...

- 130b Некоторое время [после моих слов] та проклятая оставалась в замешательстве, но поскольку содействие Всевышнего Господа в наставлении ее на истинный путь не имело успеха, мусульманкой она не стала. Страсть, сбивающая с истинного пути, настолько овладела ею, что она не противилась запретной близости с невеждами (?).

Хвала глупости этих людей, которые с чужими женами уединяются в *халватах*, признают женщину духовной сподвижницей, наряжают ее в

- 131a разные красивые одежды, выдают за проповедницу и направляют из города в город с той целью, чтобы все распутники и развратники только из-за своей похоти подчинились ей...

Однажды один из последователей и друзей сего ничтожного пришел на собрание [Байазиды], увидел, что тот сидит с несколькими женщинами-отступницами, и сказал: «Эй, проклятый! Слышал я, что ты каждого из своих приспешников уравнивал с Мансуром Халладжем, поведал им число листьев на деревьях и число песчинок в пустыне». Тот ответил: «Да». [Мой друг] сказал: «Ты и твои приспешники, найдите ответ, отчего я, правоверный раб Божий, бедствую?» А был он при этом [только] в грубой шерстяной одежде [поверх] нижней рубахи. Тот проклятый устыдился своей ранее сказанной лжи и ничего не смог ответить.

- Ф. 125 Когда подробные известия о [Байазиде] дошли до Кабула, выступил на него [с войском] Мухсин-хан Гази.

- Т. 1366 Многих мятежников он разорил и поубивал.
 Ф. 125 И привел он этого подлого пса со связанными руками [в Кабул], срезав ему половину волос³⁵ на голове, а половину оставив, дабы предать его позору.
 Но этот коварный вероотступник прибегнул к хитрости — покаялся и принял благочестивый вид, так что даже некоторые грешные богословы приложили усилия для его освобождения, не ведая того, что написано в «Тамхиде» Абу Шакура Салими³⁶: «Покаяние вероотступников после их поимки неприемлемо, обязательно следует их казнить». Если же хорошо поразмыслить, то многие поверхностные ученые-богословы просто не способны отличить вероотступников от истинно верующих и не ведают, кто заблудший, а кто праведный.
- Т. 1366 Потом [Байазид] подкупил некоторых важных лиц (vuzagâ) того края, дав им триста золотых монет и одну наложицу, и тем самым обрел свободу.
- Ф. 125 Итак, добившись разными хитростями своего освобождения, он возвратился назад.
- Т. 1366 Прибыв в Нангархар, в селение Ладживар, он обратил в неверие местных афганцев. Затем, когда добрался до Хаштнагара,
 Ф. 125 собрал своих приспешников, обосновался на горе Тути и вновь предался грабежам, насилию и убийствам с целью искоренить веру Мухаммада и распространить свою, да избавит нас Бог от них.
- И похвалялся он, что захватит всю Индию и Хорасан, а земли поделит между сотоварищами; и тот из них, кому достался [город] Дели, даже отказался принять [свою долю], ибо в те времена Дели находился в запустении.
- А торговых людей он обманывал так: «Дайте мне в долг лошадей, чтобы привезти [на них] сокровища падишаха Акбара, и вы получите [богатства] в сотню раз большие, чем те, которыми владеете ныне» — и тому подобное. Помутился у него и его приспешников разум, и питали они напрасные желания и помыслы. Затем он отправился со своим воинством в Тирах³⁷ и заручился поддержкой афганского населения того горного края, сделав всех [этих афганцев] своими последователями в силу их крайнего невежества и глупости.
- 126 Но [сами] тирахцы³⁸, хотя [тоже] стали его последователями, в душе испытывали скрытую приязнь к моголам и склонны были [подчиняться их] правителям. Тогда он пустился на такую хитрость,
 Т. 137a написав тирахцам послание, в котором обратился [со словами]: «Если вы обнажите клинки против вашего учителя и отнесетесь к нему без почтения, то это будет вашим ве-

личайшим грехом. Вы должны и обязаны проявить [к нему] еще большее уважение. А условие вашего покаяния [заключается] в том, что вы со связанными руками явитесь целовать прах у ног своего учителя.

Ф. 126 Если [хотите] меня умиловать, явитесь ко мне по одному со связанными руками, и когда по моему повелению вам развяжут руки, я стану вами доволен».

Эти безумцы в силу крайнего невежества, глупости и заблуждения так и поступили, а он, схватив триста³⁹ человек со связанными руками, поубивал их, владения их разграбил и весь этот край очистил от местных жителей.

Т. 1376 Слышал я от некоторых юсуфзаев, бывших вместе с ним в этом деле, что после того, как он расправился с тирахцами и захватил пленников и ценности, сел он на белую лошадь и проехал по трупам убитых с несколькими своими всадниками, чтобы раздавить кости мертвецов. Хвала же этому коварному вероотступнику, проклятому неверному, который вначале не резал травы, не наступал на муравьев, а во время стечения толпы рубил людям головы и давил трупы убитых! Хвала глупости афганцев, которые этого коварного вероотступника отступником не считают!

Ф. 126 К сему дню в этом краю не осталось ни одного тирахца, и завладели им горные афганцы⁴⁰, которые предались неверию, ибо отвернулись они от Корана, *намаза*, поста, *закята*, *хаджжа* и покорились тому отступнику и потомкам его, видя суть своей веры в исполнении их воли. И кроме десятидневного поста в начале весны, который установил им тот отступник, другой пост они не держат, а свой считают полным, да сохранит нас Бог от их отступничества.

Отступник же тот, собрав войско, направился в Нангархар и совершил набег на селение Барура⁴¹, после чего вновь повернул в горы. Но из Джалалабада пустился за ним вслед Мухсин-хан Гази...

Т. 1376 с шестьюдесятью всадниками...

Ф. 126 и настиг его в местечке Торага. Поскольку этот отступник, похваляясь, уверял своих приспешников, что, как только его взор падет на Мухсин-хана, тот свалится с лошади, помедлили они с началом сражения, а воины ислама внезапно напали на них и нанесли этим подлым неверным поражение, перебив большое их число.

Отступник же тот пешим бежал в горы, где был сражен жаждой и зноем, после чего, [еле] добравшись до Хаштнагара,

Т. 138а до селения Калапани,

Ф. 126 скончался от нестерпимых мук, и там же был похоронен.

У этого отступника было пять сыновей: первый — Шайх Умар, второй — Нур ад-дин, третий — Хайр ад-дин, четвертый — Камал ад-дин, пятый — Джалал ад-дин, — и после того, как этот отступник умер, его преемником на несправедном пути стал Шайх Умар.

По прошествии некоторого времени Шайх Умар вырыл этого проклятого из могилы, заявив: «Будем держать его при себе, и когда на нас надвинется большая опасность, он оживет и окажет нам помощь, победив [наших] врагов». Затем они сложили сгнившие останки в ящик и стали [повсюду] возить его с собой, да сохранит нас Бог от их отступничества и дурных помыслов.

Потом Шайх Умар в силу чрезмерного самомнения, безрассудства и заблуждения посягнул вместе с шайкой отступников на владения юсуфзаев.

Т. 138а Юсуфзаи стали исполнять некоторые его религиозные предписания, а кто-то из них даже принял его вероучение и согласился платить ему подать и десятину.

Однако Хамза-хан Акозай не подчинился ему, считая такое повиновение религиозным и мирским грехом. Тогда тот проклятый глупец собрал войско и угнал скот Хамза-хана. Все племя было оскорблено таким позором и пошло на него войной. Первое по счету сражение произошло в Суркави, где победа оказалась на стороне того отступника, а [юсуфзаи] бежали. Второе по счету сражение произошло в местечке Майни, где

— 1386 победа тоже оказалась на стороне того проклятого, поскольку у племени не было достаточного количества людей. Третье по счету сражение произошло в местечке Бара-Нуфул на берегу реки Инд. Здесь победил Хамза-хан, поскольку у племени нашлось достаточно людей.

Ф. 126 На берегу Инда юсуфзаи перебили всю эту шайку отступников,

— 127 а тело Шайха Умара предали огню. Убили они и Хайр ад-дина. Нур ад-дин, которому удалось бежать, погиб в Хаштнагаре от рук гуджаров⁴².

Джалал ад-дина юсуфзаи пленили.

Т. 139а Шайх Хайр ад-дин, перебравшись через реку (Инд. — М. П.), бежал в сторону Турбила (?), но был убит дилазаками⁴³. И там сейчас его могила. Нур ад-дин, бежавший и добравшийся до Хаштнагара, был убит мохмандзаями. Там сейчас его могила...

— 1386 Джалал ад-дина тоже ранили и бросили в реку, но поскольку судьбой ему не суждено было погибнуть, он выбрался живым из воды и попал в руки амазаев и мандаров⁴⁴. Так как он был еще ребенком, те люди его не убили

и поступили вопреки словам Шайха Саади: «Гасить огонь и оставлять угли — не дело мудрых, убивать змею и оставлять змеенышей — не дело разумных»⁴⁵...

[Юсуфзаи] пленили жен и детей [отступников], а жену [самого] «Темного Учителя» отдали певцу (*muṭrib*), дабы развлекала она правителя племени.

Ф. 127 Истлевшие останки того проклятого (Байазид Ансари. — М. П.) они бросили в Инд, а ящик [из-под них] сожгли.

Т. 1386 Мирдад Дилазак рассказывал: «Когда голову того пса бросили в реку, я швырнул вслед за ней камень, чтобы она рассыпалась в воде»...

— 1406 Через некоторое время один из последователей того отступника обратился с прошением ко двору падишаха Акбара, изложив суть дела так: «Несколько несчастных незаконно оказались в плену у юсуфзаев, но есть надежда, что величайшей милостью владыки их освободят».

Ф. 127 Когда известие дошло до падишаха Акбара, он освободил Джалал ад-дина и всю его семью из плена юсуфзаев.

П. 135 Джалал ад-дин, будучи здоровым, схитрил и притворился больным. Когда слуги [падишаха] доставили его к своему господину, Акбар сказал ему: «Я помиловал тебя, и когда ты выздоровеешь, явись ко мне».

Ф. 127 А тот змееныш совершил вероломство: бежал от падишаха Акбара, вновь примкнул к афганцам из Тираха и занялся грабежами.

П. 135 Такие лживые слова он говорил: «Я — повелитель паштунов, сделаю для паштунов добро. Идите за мной, паштуны, я разрушу ворота Агры и Сикри!»⁴⁶ Паштуны объединились вокруг него, но он стал бедой для Паштунистана. Все паштуны пострадали от него, а особенно те, которые были с ним. Злополучие Джалал ад-дина привело к тому, что [могольские] наместники обосновались в Пешаваре. Моголы укрепились в Паштунистане и проводали о его внутренних делах. Они увеличили подать и подчинили себе паштунов. Из-за дурных начинаний Джалала многие паштуны были казнены моголами.

Т. 141a Но сколько ни старался падишах Акбар, а после него и Салим-шах⁴⁷, он не уничтожил эту шайку [тирахских] отступников и не защитил от козней проклятых [неверных] дорогу через Хайбер и своих несчастных подданных в кабульском краю.

Ф. 127 По воле всесильного рока в плен к падишаху Акбару попал Камал ад-дин, который там же в плену и скончался. А Джалал ад-дина [вскоре] отправили в ад хазарейцы в Газни.

Т. 1416 Хазарейцы послали поганую голову Джалал ад-дина в Индию, чтобы предъявить ее взору падишаха Акбара, а

обезглавленное тело повесили на воротах Газни, дабы все люди радовались, видя, что с ним стало.

Ф. 127

Потом преемником [Джалала] на несправедном пути стал Ахдад, один из сыновей Шайха Умара, который тоже занялся грабежами. Но и ему Всевышний Господь уготовил гибель.

Цель же всего этого повествования состоит в том, чтобы люди *сунны*, у которых в руках окажутся сохранившиеся сочинения этого отступника (Байазида Ансари. — М. П.), тут же сжигали их и не верили им. Хотя внешне некоторые его речи кажутся складными и притягательными, они приводят к неверию, отступничеству и гибели.

А вот еще одна неправда об этих проклятых [отступниках]. Хотя известно и то, где умер каждый из них, и то, что истлевшие останки [Байазида] были брошены в Инд и унесены его водами, а ящик [из-под них] сожжен, потомки соорудили им всем могилы в Канигураме и теперь уверяют людей, что Канигурам был местом их погребения, и кланяются в сторону [этих могил] утром и вечером.

Итак, всякий афганец, а также любой другой мусульманин нашего времени, который стремится к [истинной] вере, должен воздерживаться от общения с потомками [Байазида], а иначе он погибнет и останется навечно в аду. Одним словом, каждый, кто желает спастись от бед обоих миров, твердо придерживаясь ислама и не впадая в неверие, должен остерегаться духовных учителей этого времени и не становиться их учеником, ведь иначе будет с ним то, о чем шла речь [выше].

В наши дни причиной всех бед, которые случаются в Афганистане, является [распространение] духовного наставничества и ученичества (*pîrî va murîdî*)...

— 136

А также пусть будет известно⁴⁸, что этот проклятый поначалу выполнял многие правила *намаза*, повторяя по двадцать, тридцать или сорок раз молитву [«Хвала Аллаху»], поясные и земные поклоны. Но делал он это без [предварительного] омовения. И сей ничтожный хорошо уразумел, что его *намаз* был не настоящий, а лишь для обмана простых людей.

Т. 1336

Однажды сей ничтожный гостил ночью у «Темного Учителя» в Хаштнагаре. Я привык бодрствовать по ночам, а в ту ночь, желая проследить за ним, я оставался еще более бдительным. Поскольку между моей и его постелями была лишь тонкая занавеска, я знал, что всю ночь он спал со своей женой. Когда настало утро, он поднялся с постели, оделся и, не совершив полного омовения, пошел в модельню. После явились его приспешники и [тоже] приступили к утреннему *намазу*. И только я один совершил *намаз* [по всем правилам].

Примечания

1. Ормуры — самостоятельная иранская народность, говорящая на собственном языке (ормури или бараки) и проживающая в районах Вазиристана и Логара. Согласно афганской генеалогической традиции, легендарный предок ормуrows Урмар был приемным сыном Шархбуна, родоначальника первой группы афганских племен колена сарбани, поэтому для Дарвезы ормуры — неотъемлемая часть афганского генеалогического древа [Raverty, 381, 382; Caroe, 20, 21].
2. Байазид Ансари родился предположительно в 931 г. х. (1524/25) [Кушев 1980, 30].
3. Лоди — афганское племя колена битани, родственное гильзаям. С начала XV в. лоди, нанимаясь на военную службу к делийским султанам, стали расселяться в Северной Индии, преимущественно в Пенджабе и некоторых областях Уттар-Прадеша. В 1451 г. вождь этого племени Бахлол захватил делийский престол и основал первую афганскую династию Лоди, правившую в Дели до 1526 г. [Ашрафян, 91, 92; Neamet Ullah, 43—79].
4. Аватара — воплощение божества в облике живого существа в индуизме. В самом тексте рукописи стоит неизвестное мне слово LWRNA, а «аватара» (AWTAR) приписано на полях в качестве пояснения.
5. Халват — один из элементов суфийской практики, предполагавший аскетическое затворничество. Дарвеза называет этим словом также коллективные радения рошанитов, что в суфизме определяется понятием «сама» [Ислам, 206].
6. Зикр — поминание имени Бога, способ постижения божественной сущности в суфизме [Ислам, 77].
7. Авдаг — брат отца, дядя по отцу; термин, распространенный на востоке персоязычного мира.
8. Моманды — афганское племя ветви горйа-хель, входящее во вторую группу племен колена сарбани. Моманды расселялись главным образом в Нангархаре (ныне провинция Афганистана с центром в Желалабаде) и контролировали стратегически важный Хайберский проход, связывавший могольскую империю с ее западными окраинами.
9. Очевидно, имеется в виду фарсиязычное население Нангархара.
10. «О вы, которые уверовали! Бойтесь Аллаха, ищите приближения к Нему и усердствуйте на пути Его, — может быть, вы будете счастливы!» [Коран, 5: 39 (35)].
11. Дарвеза почти дословно цитирует соответствующие строки из комментария к Корану ал-Байдави (ум. 1286) [Beidhawii, 257].
12. Среди дошедших до нас сочинений Байазидов, где излагаются основы его философско-религиозного учения, — «Хайр ал-байан», «Сират ат-таухид», «Максуд ал-му'минин». В источниках также упоминается трактат «Фахр ат-талибин» [Кушев 1980, 33, 34].
13. *Тарикат*, *марифат*, *хакикат* — ступени мистического познания истины в суфизме. О трактовке этих понятий у Байазидов см.: [Маннанов, 37—64].
14. См.: [Wensinck, 186].
15. Хахи (хаши) — ветвь афганских племен второй группы колена сарбани, имеющая общего предка с ветвью горйа-хель.
16. Хаштнагар — историческая область к северо-востоку от Пешавара, простиравшаяся вдоль левого берега реки Сват ближе к ее устью, где в настоящее время располагаются населенные пункты Утманзай и Танги.
17. Бунер — историческая область между реками Инд и Сват к северу от перевала Амбела. В первой половине XVI в. здесь расселились юсуфзаи, афганское племя ветви хахи.

18. Близкий по смыслу *хадис* приводится у Суйути: «Когда появится отступничество и проклянет последний из этого народа первого из него, тот, у кого есть знание, пусть распространяет его, ибо скрывающий знание в это время подобен скрывающему то, что ниспослал Аллах Мухаммаду» [Суйути, 25]. Слова «проклят он Богом, ангелами и всеми людьми» отмечены в конкордансе Венсинка [Wensinck, 128].
19. Далее (л. 135а) Дарвеза цитирует ответ Али Тирмизи с отвлеченными рассуждениями о телесной и духовной гибели человека.
20. Хусайн ал-Халладж (ок. 858—922), которого Дарвеза называет Мансуром, именем его отца, один из наиболее примечательных деятелей в истории мусульманского мистицизма, казненный за публичные проповеди мистических тайн и божественных истин [Ислам, 269, 270]. В рукописи не совсем точно воспроизведены два *бейта* из дивана Халладжа. Первое полустигия второго бейта, представленное в рукописи в виде «'anâ ṭiflun ṣaġîrun» («Я — малое дитя»), в издании дивана имеет два варианта: «ṣumma 'inni ṣirtu ṭiflan» («Потом я стал ребенком») и «va-bi ṭiflun ṣaġîrun» («А мой отец — малое дитя») [Massignon, 34, 35].
21. «Хайр ал-байан» буквально означает «благо изложения» («благомыслие»), «Шарр ал-байан» — «зло изложения» («зломыслие»), «Хар-байан» — «ослиное изложение» («осломыслие»).
22. Далее (л. 131б) Дарвеза опровергает ниспосланность «Хайр ал-байана».
23. На л. 132а—133а Дарвеза критикует автора «Хайр ал-байан» за погрешности в цитировании и толковании Корана, *хадисов* и других источников, утверждая, что рошаниты пользовались ссылками на священные тексты и мусульманские авторитеты только для того, чтобы обмануть и привлечь к себе необразованных людей.
24. Далее (л. 121б—123а) следуют пространные рассуждения Дарвезы, опровергающие приведенное им выше положение рошанитской теософии. Здесь же Дарвеза бегло сообщает о гибели Байазиды Ансари от жажды после поражения в схватке с Мухсин-ханом Гази (л. 122б), доказывая тем самым беспомощность рошанитского учителя и отсутствие в нем божественной силы.
25. Возможно, Дарвеза имеет в виду сочинение Хафиз ад-дина ан-Насафи (ум. 1310) «Мадарик ат-танзил ва хакаик ат-тавил» — популярное изложение основ мусульманского права, написанное в русле ханафитского толка [Brockelmann 1902, 196—197]. Именно ислам ханафитского толка имел главенствующее положение в могольской империи и распространялся в Паштунистане усилиями богословов и законоведов, к числу которых принадлежал Ахунд Дарвеза. Известны также два других сочинения с одинаковым названием «Мадарик ал-ахкам», представляющие собой комментарии к шиитским трактатам по *фикху*. Одно принадлежит перу Мухаммада ал-Амили (вторая половина XVI в.) [Brockelmann 1937, 712], второе написано Шамс ад-дином ал-Амили (1539—1600) [Brockelmann 1938, 206].
26. Описываемое событие произошло уже после смерти Байазиды Ансари. С именем Пайанда известны три человека: первый учитель Байазиды (см. выше), вождь мохмандзайского племени [Таквим ал-Хакк, XIX] и поэт, одна газель которого сохранилась в приложении к петербургскому списку дивана Мирзана Ансари [Кушев 1976, 53].
27. *Лак* — сто тысяч.
28. И рошаниты, и, что весьма странно, сам Дарвеза допускают ошибку в цитировании коранической фразы, которая встречается в двух вариантах: «va kâna-lahu bi kulli ḡay'in muḥîtan» («...и Аллах всякую вещь объемлет») [Коран, 4: 125 (126)]; «'alâ 'innahu bi kulli ḡay'in muḥîtan» («О, ведь Он объемлет всякую вещь») [Коран, 41: 54]. У рошанитов соответственно — «ma' kulli ḡay'in», а у Дарвезы — «'ala kulli ḡay'in».

На л. 124а—125а Дарвеза излагает традиционалистские взгляды на пророчество Мухаммада, одновременно критикуя притязание Байазиды Ансари на пророческую миссию. Упоминает он также о чудесах Мухаммада, отказывая в таких способностях Байазиду. Затем (л. 125а—126а) Дарвеза подвергает критике утверждение рошанитов о том, что они суть качества Бога, после чего (л. 126а) выступает в защиту *шариата*.

29. На л. 1266—1286 Дарвеза полемизирует с рошанитами по поводу представлений о Боге.
30. «Subhân ul-malik ul-bârî judâ kard 'âlam-i nûrî az nârî Bâzîd Anşârî».
31. «Bâzîd-i miskîn hâdî ul-mudallîn».
32. Далее (л. 1296) Дарвеза рассказывает о своем смелом ответе Матах-хану и об их новой случайной встрече в безлюдном месте, когда Матах-хан лишь поприветствовал его по всем правилам паштунского этикета и не причинил ему никакого вреда. Здесь же Дарвеза отмечает тот факт, что среди афганцев только юсуфзаи, даже будучи вероотступниками, чтут богословов, а прочие предавшиеся неверию паштуны притесняют и убивают богословов.
33. Выше шла речь о неверии Байазиды Ансари в Страшный Суд.
34. В ответ (л. 130а—130б) Дарвеза разъясняет, что истинный ислам предполагает веру в Страшный Суд, ад и рай.
35. Или: «...отрезав ему одну из двух кос» (Т. 1366).
36. Абу Шакур Салими — мусульманский богослов XI в., перу которого принадлежит теософский трактат «Тамхид фи-т-таухид» [Ritter, 447, 453].
37. Тирах — историческая область к юго-западу от Пешавара в верховьях реки Бара.
38. Дарвеза явно различает афганцев и тирахцев (*mardum-i tîrâhî*). Можно полагать, что последние являлись автохтонным населением Тираха, не относившимся этнически к афганским племенам.
39. «Триста двадцать» (Т. 137а).
40. К середине XVII в. Тирах был заселен племенами афридиев и оракзаев. Немного дальше на восток, в районах Кохата, проживали бангаши. В 1674 г., через сто лет после описываемых Дарвезой событий, о вероотступничестве этих племен сообщал в своих стихах Хушхал-хан Хаттак [Асланов, 130]. Таким ал-Хакк указывает, что Байазид Ансари изгнал из Тираха местных жителей с помощью афридиев [Таквим ал-Хакк, XXIII].
41. В паштунском варианте — Парав (*paṛav*), что буквально означает «стоянка» (П. 133).
42. «Mardum-i gujarân». Таквим ал-Хакк, основываясь на «Хал-нама», сообщает, что гуджары имели статус *хамсайа*, племени-клиента, у акозаев, т. е. были у последних в зависимости и под покровительством. Что касается этнической принадлежности, то, возможно, гуджары имеют отношение к народности гуджари, проживающей в северных районах Пакистана и говорящей на одном из диалектов раджастхани, языка западной ветви индоарийской группы. В «Тазкират ал-абрар» (см. перевод ниже) Дарвеза говорит, что Нур ад-дин погиб от рук мохмандзаев.
43. Дилазаки — афганское племя колена карлани, расселявшееся в восточных частях Пешаварской долины.
44. Мандары — афганское племя ветви хахи, родственное юсуфзаям.
45. Дарвеза не совсем точно цитирует строки из 4-го рассказа «Гулистана» Саади.
46. Фатехпур-Сикри — город, построенный по приказу императора Акбара в 30 километрах от Агры [Ашрафян, 118].
47. Салим-шах был возведен в 1605 г. на могольский престол под именем Джахангир.
48. Это добавление на персидском языке следует сразу за паштунским вариантом жизнеописания Байазиды.

Использованная литература

- Асланов М. Г. Народное движение рошани и его отражение в афганской литературе XVI—XVII вв. // Советское востоковедение. 1955. № 5. С. 121—132.
- Ахунд Дарвеза. Махзан ал-ислам. Пешавар, 1969 (на яз. пашто).
- Ашрафян К. З. Дели: История и культура. М., 1987.
- Коран / Пер. и коммент. И. Ю. Крачковского. М., 1963.
- Ислам: Энциклопедический словарь. М., 1991.
- Кушев В. В. Описание рукописей на языке пашто Института востоковедения. М., 1976.
- Кушев В. В. Афганская рукописная книга: (Очерки афганской письменной культуры). М., 1980.
- Маннанов А. У истоков афганской классической литературы. Ч. 1: Байазид Ансари и его «Хайр ал-байан». Ташкент, 1994.
- Суйути. Ал-джами ас-сагир фи ахадиси-л-башир. Т. 1. Каир, 1889 (на араб. яз.).
- Таквим ал-Хакк Какахел. Предисловие // Ахунд Дарвеза. Махзан ал-ислам. Пешавар, 1969. С. I—LXXIX (на яз. пашто).
- Beidhawii. Commentarius in Coranum / Ed. H. O. Fleischer. Vol. 1. Leipzig, 1846.
- Brockelmann C. Geschichte der arabischen Litteratur. Bd. 2. Berlin, 1902; Supplementband I. Leiden, 1937; Supplementband 2. Leiden, 1938.
- Caroe O. The Pathans 550 B. C.—A. D. 1957. London, 1958.
- Leyden J. On the Roshenian Sect and Its Founder Bayezid Ansari // Asiatic Researches. Vol. 11. London, 1812.
- Massignon L. Le dîwân d'al-Hallâj: Essai de reconstitution, édition et traduction. Paris, 1931.
- Neamet Ullah. History of the Afghans / Translated from the Persian by B. Dorn. P. 1. London, 1829.
- Raverty H. G. Notes on Afghanistan and Part of Baluchistan, Geographical, Ethnographical and Historical. London, 1883.
- Ritter H. Das Meer der Seele: Mensch, Welt und Gott in den Geschichten des Farîduddîn 'Attâr. Leiden, 1955.
- Shafi M. Bâyezîd Anşârî // The Encyclopaedia of Islam. New ed. Vol. 1. Leiden; London, 1960. P. 1121—1124.
- Wensinck A. J. Concordance et indices de la tradition musulmane / Organisés et commencés par A. J. Wensinck et J. P. Mensing, continués par J. Brugman. T. 6. Leiden, 1967.

Mikhail S. Pelevin. The life of «Light Master» in the works of Akhund Darweza

The life and activities of Bayazid Ansari (1524/25 — 1572), spiritual guide of the Roshani sect, are known through the several sources including two works of his contemporary and fierce opponent Akhund Darweza. The passages from Darweza's «Makhzan ul-islam» and «Tazkirat ul-abrar wa-l-ashrar» containing three variants of the life of «Light Master» as Bayazid nicknamed himself are combined in a single version, translated into Russian, and supplemented with the notes and introduction.